
EMOTIONAL AND EXPRESSIVE SENTENCES IN THE TATAR AND FRENCH LANGUAGES: EMOTIONS AND LANGUAGE

Alsu Foatovna Valeeva,

Kazan Federal University,
18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
alsval@mail.ru.

Albina Kamilevna Gizatullina,

Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
albina27.3@mail.ru.

The article reveals features of the implementation of expressive syntax in the Tatar and French languages, which are actively being studied at present. The emotional state of communicants affects the speaker's and hearer's communicative settings, as well as the structural and semantic organization of sentences that implement these settings into the process of verbal communication. Emotional and expressive sentences in Tatar and French are specialized syntactic means and serve to implement the category of emotional expression.

Key words: expressive syntax, emotions, emotional evaluation, syntactic structure, the Tatar language.

Modern linguistics is characterized by an increased interest in the comparative study of languages. The problem of the comparative study of languages has been the subject of linguistic research in many works by Russian and foreign scholars [1-2]. There are several reasons for it: 1) the sociability that occurs as a consequence of the social, ideological and cultural rapprochement of the ties between peoples, regardless of the countries in which they live and public policy; 2) the desire to improve the teaching and learning of foreign languages; 3) the increasing role of native

languages in our country, the Tatar language in particular; 4) the need to take into account the features of the native language in foreign language teaching methods.

Modern Russian researchers in the field of comparative linguistics, such as G.S.Starostin, A.V.Dybo, A.Yu.Militarev, I.I.Peyros and Ye.A.Satanovsky, highly appreciate the work carried out by comparativists, in particular S.A.Starostin, an outstanding representative of the Moscow School of Comparative Linguistics [3].

Contrastive linguistics entrenched itself among the numerous linguistic disciplines. Its status is determined by fundamental factors of a theoretical and practical nature. In our opinion, the basic meaning of the contrastive study of two or more languages is expressed by the following words: “revealing the correlation between the general and specific comparison of languages helps us to understand more fully and deeply the inherent phenomena and categories of each language, subjected to the contrastive study; the description of linguistic phenomena becomes typologically defined, i.e. theoretically more meaningful” [2: 73].

The material for the study is presented by the original literary works by famous Tatar and French writers of the twentieth century (V.Nurullin, 1991 [4]; S.Rafikov, 1996 [5]; L.Kaplan, 1987 [6]; D.Pennac, 1997 [7]). The genre of fiction was chosen due to the fact that the texts that represent the logical unity of the characters’ speech and the author’s text, in our view, quite clearly reflect the verbal expression of the emotions experienced.

A set of linguistic methods and techniques was used for the analysis of factual material, mainly by the contrastive and comparative method, which enables the determination of the similarities and differences between the two compared languages, revealing the causes of similarities and differences and determining the systematic correspondences and discrepancies between the compared languages. Contrastive interpretation is based on the technique of a parallel study, which enables the researcher to discover the common and distinctive features of the compared languages, while their substantive differences are detailed by means of structural and stylistic interpretation. The typological study of languages is carried out according to the questionnaire model, based on the list of characteristics which enables the researcher to compare the languages. The considered techniques of the contrastive and comparative method and the model of typological research are purposefully used to determine the linguistic universals. We have undertaken a study in the framework of the synchronic contrastive and typological analysis of emotional and expressive sentences in two genetically unrelated languages: Tatar and French.

Modern linguistics is characterized as anthropological, since it seeks to cognize the language in close contact with the person, consciousness, cogitation, and practical activities. In other words, linguistics is designed not only to study the language, but to solve the problem of mutual understanding between people in all spheres of life. It should also

be taken into account that understanding between communicants is reached through the presentation and adequate interpretation of both factual information and information about the identity of the speaker, in particular their feelings and emotions. In linguistics, there is probably not a single problem where the emotional and expressive factor (EEF) is not manifested. The presence of this factor is natural, as, being a complex and multidimensional phenomenon, language is one of the most important human sensory attributes alongside the psyche and cogitation. The emotional state of communicants affects both the appearance of certain communicative settings in the minds of the speaker and the listener, and the structural and semantic organization of sentences that implement these settings in the process of verbal communication.

It should be noted that this problem is being analyzed in many areas of linguistics at the moment, evidenced by numerous studies. Traditional linguistics represented by such authors as E.F.Ar-senteva, N.D.Arutyunova, L.K.Bayramova, Ch.Bally, V.N.Vasilyeva, V.V.Vinogradov, F.A.Ganiev, Z.Z.Gatiatullina, M.Z.Zakiev, M.N.Zakamulina, G.V.Kolshansky, Yu.M.Malinovich, B.A.Serebrennikov, V.I.Shahovsky, R.A.Yusupov, constantly emphasizes the urgent need to address the emotional and expressive factor and to analyze it in the framework of specific linguistic studies.

Linguists are making attempts to determine the place of the EEF in the semantic theory of language and to single out the expression associated with showing emotions as a category having the most direct relation to the semantic processes [8-9]; attempts are also being made to substantiate the existence of the emotional [1] and the expressive functions of language [10].

The problem of emotiveness and expressiveness is studied in terms of the stylistic description of a language [3]. The issues of expressiveness are also considered in the psycholinguistic aspect [11-12], in the aspect of the general theory of speech acts and in connection with the issues of word formation [13]. The EEF is also the subject of numerous studies on syntax [9; 14].

However, the researchers have not come to a consensus in solving the problems associated with the EEF in the language. This is particularly true concerning such categories as emotiveness and expressiveness. Different terms are used to designate these categories: “emotional colouring” [15], “emotional and expressive colouring”, “affective

tone” [16], “expressive colouring” [17], “expressive tones” [18], and “expressive effect” [19]. These terms constitute “a very peculiar terminological system, not to say terminological mixture” in modern Russian and foreign linguistics, which greatly complicates the process of investigation [20: 6]. In terms of specifying the terminology and deepening the meaning of the categories used, works by native-speaking researchers of the Republic of Tatarstan are particularly important [21-24]. Thus, G.R.Galiullina and N.F.Galieva consider emotive idioms as a reflection of the national mentality, and as being connected with the semantic and cultural potential based on the specificity of the Tatar psychology and mentality [25].

As our understanding of the categories of emotiveness, evaluation, expressivity and intensity is concerned, it should be noted that these categories are identified in different aspects of human activity, have complex interactions and are diverse in nature, which inevitably require their clear differentiation. Supporting the viewpoint of N.A.Besedina, V.G.Gak and I.I.Turansky, we define these categories as follows [20]:

Emotiveness is a reflection of our emotions, feelings and inner sensuous evaluation of extralinguistic reality, which is expressed in certain linguistic units and means, such as interjections, emotionally-coloured nouns, adjectives, adverbs and verbs. This enables us to consider emotiveness as a communicative and semantic category.

Evaluation is a category that associates one aspect of human interaction with reality: the attitude of the person to the object of nomination embodied in the language. Evaluation is always deliberate and reflected in such parameters as good/bad.

Expressivity is a communicative and pragmatic category, which is associated with a targeted effect on the listener through the impressive power of the sentence. This enables us to consider it as the ability of language to enhance the expression of the speaker's feelings and emotions, as well as to express them in an emphasized form.

Intensity is a semantic category, which is based on the concept of gradation in quantity in the broadest sense of the word. From the linguistic viewpoint, intensity is a measure of expressivity, emotionality and evaluation, signalling graduality.

The approach to the verbal expression of emotions enables us to take a fresh look at the structural and semantic characteristics of linguistic units in their emotional and expressive function. In our opinion, this approach requires the defining of the role and place of emotions in the general system of

linguistic activity. In psychology, emotion is understood as a complex phenomenon. On the one hand, it is a special class of mental processes and states associated with instincts, needs and motives; and on the other hand, it is the expression of the attitude to the world and to oneself [15; 26-28]. In other words, emotions designate “mental reflection in the form of the direct subjective experience of the meaning of life events and situations determined by the relations of their objective properties of the subject’s needs” [29].

We support the position of the linguists who believe that there cannot be pure emotions in language, because, firstly, emotions are conscious, i.e., connected with intelligence, and secondly, the very method of their implementation in language involves a rational aspect, because if an emotion has not passed through the filter of consciousness, it cannot be directly expressed in the language system [26: 143; 30-31]. Therefore, the separation of the emotional from intellectual is not strict.

The desire of the speaker to verbally convey his emotional attitude to the subject of speech leads to the need to select the specific syntactic unit most suitable for this purpose. We believe that these structures are a form of organization of emotional and expressive sentences and systemic in nature. The speakers, in expressing their own or imitating someone else’s emotional state, are trying to provoke the interlocutor’s reciprocal feelings. There must be personal feelings or emotions to awaken the addressee’s reciprocal feelings and transform him from a passive recipient into an active subject of the dialogue. Getting an emotional response often becomes itself the purpose of an expressive statement. However, the purpose of conveying the movement of the human soul and its inner feelings is rather difficult to attain, especially if the speaker is in the heat of passion, when emotions overwhelm him. Therefore, it is very important to form the communicative competence in both French and Tatar, based on techniques of cognitive and practical activity [27].

In colloquial speech, emotions can be expressed in several ways. In the first case, the narrator gives a detailed description of the situation, the active participants and events in order to give the recipient the chance to evaluate the possibility of this or that feeling, or ideally, to feel the same as the speaker. It looks as if the speaker says: “*Is the situation not worthy of this feeling? Now do you understand my state?*”

“*Bolvannar, svolochlar! Akcha äräm! hämmäsen et itep yaryrga kiräk, svolochlarny – dip*

okhrankany, anyñ agentlaryn sükte” (**‘Idiots, bastards!** It’s wasting money! All should be heavily punished, all bastards – he blamed the secret service and its agents’) [4]; *“Akhmak! Avyzyña ker-gän kalžany yota belmiseñ ikän sin!”* (**‘Fool!** You can’t even swallow a slice that got into your mouth!’) [4]; *“Bägyrem minem!.. Küz nurym minem! Aldyymmy soñ?! Sine – bar närsädän kyymmätle, bar närsädän yakyn, izge bulyp kürengän idealymny aldyymmy soñ?!”* (**‘My darling!.. My dearest one!** Am I cheating?! Can I cheat you – the one who is the dearest and closest to me, and who seems to be my sacred ideal?!) [5].

C’est un fou ... et même pire que ça! Un zombi! (*It’s a madman... Or even worse! A zombie!*) [6] *Idiot! hurle Agoun’chich. Ne tire pas comme ça (Idiot!, cried Agoun’chich. Don’t drag like that).* [7]; *Après, je me suis sauvé pour ne plus entendre: – Tu as tué ta mère! Tu es un menteur! Un simulateur! Un bon à rien!* (*After that, I saved myself from hearing: “You killed your mother! You are a liar! A pretender! Good-for-nothing!”*) [6].

As you can see, both in Tatar and French, these sentences are substantive. This demonstrates their similarity. Furthermore, unextended substantive sentences are widely used in the two languages. As for the differences, they are manifested in the intensification means: while the sentences of the Tatar language contain affixes of belonging, determinants of the noun and the possessive pronouns, the sentences of the French language are intensified with the articles. In the emotional and expressive sentences of the French language, the indefinite article indicates the degree of a characteristic, i.e. the indefinite article acquires the meaning that is not typical of it in the neutral syntax, which is the expression of qualitative and characteristic intensity.

The second way to tell about your feelings is to name them directly. It is normal practice in an easy conversation. The force of the impact of such sentences depends on the depth and intensity of the actualized feelings. The semantic structure of the utterance is as follows: *“X feels Y to Z”*. This type of utterances belongs to the “confession” speech genre. Names of feelings act as a predicate: *bik katy achulanyrga* (‘blame a lot’), *yaratyrga* (‘love’), *sagynyrga* (‘miss’), *kurkyrga* (‘be afraid’), *aryrga* (‘be tired’), *se fâcher* (‘be angry’), *aimer* (‘love’), *s’ennuyer* (‘be bored’), *avoir peur* (‘be afraid’), *être fatigue* (‘be tired’), etc. The second group of predicates consists of verbs naming external indicators of emotions: *sharkyldarga* (‘laugh’), *künel achyrga* (‘have fun’), *elarga* (‘cry’), *üksep elarga* (‘sob’), *rire aux éclats* (‘hold

sides with laughter’), *se réjouir* (‘rejoice’), *pleurer* (‘cry’), *sangloter* (‘sob’), etc. Vividness is gained with the help of melodic and paralinguistic means.

“Kyzym” süzen ishetkäç shul žitä kaldy. Möniränyñ muenyynnan urap aldy. – Ätiem!.. Žanym!.. (‘It was enough to hear the word “Kyzym (daughter)”. She hugged Munir around the neck. – **Father!.. Darling!..**’) [5]; *“Nu, Safarov! Bähetej! Sine tege žhid kotkardy! – di”* (‘Well, Safarov! **It’s your luck!** That fellow saved you! – said he.’) [5]; *“Khäerle bäräkät birsen yörtka, isän-sau toramsyz? – dip, Gayshätti elmaya. Andyj elmayu! Andyj yakynlyk!”* (‘I wish prosperity to this house, how is your life? – Gajshatti asked smiling. **Such a smile! Such proximity!**’) [4].

Ce pauvre Franz! Personne ne peut l’encadrer! Je vais finir par le trouver éminemment sympathique (**‘This poor Franz!** No one can stand him! In the end, I found him extremely nice’) [6]; *Octobre 1958! Ma révolution d’octobre! Cette charmante Virginia! Elle s’appelait sans doute Josiane ou Nicole* (‘October, 1958! My October revolution! **This charming Virginia!** Her name was probably Josiane or Nicole’) [6]; *Mary s’arrête de pleurer. Elle a pris la main de Chico, elle la serre. Elle dit: – Quelle douleur!* (‘Mary stops crying. She took Chico’s hand, she grasps it. She says, **“What grief!”**’) [7].

Thus, this type of statement refers to the “confession” speech genre. These examples convey the emotional state of the interlocutor. Their brevity from the point of view of the structure of the sentences indicates the intensity of feelings experienced by the speaker. This semantic situation is presented both in Tatar and in French with unextended and extended substantive sentences. This also reveals the similarity of the two presented sentences in two unrelated languages such as Tatar and French. The peculiarity, and consequently the difference, can be seen in the intensification means. The sentences in the Tatar language use affixes of belonging and the deictic adjective *andyj* (*such*). The sentences in the French language are intensified with demonstrative pronouns, emotional and evaluative adjectives and the adjective *quelle*.

The third way to tell the interlocutor about one’s feelings is to indicate what the speaker wanted to or could say under the influence of emotions. The typical formula of such sentences is as follows:

“Atygyz inde tizräk!” (**‘Well, your horse is faster now!’**) [5]; *“Äniem, žan kisägem, tynla inde süzemne! – dide Ravil, haman üžätlänä birep”*

(‘Mommy, sweetheart, **follow my advice indeed!** – said Ravil, still digging in his heels’) [4]; “*Ogurtsov tagy yarsydy: – Menä aňla inde sine! Ber tegeläy, ber bolay*” (‘Ogurtsov was furious again: – **So try to understand you!** You are this way and that way’) [4].

Continuez donc la danse... (‘**So, continue dancing...**’) [6]; *Pourquoi viens-tu ici à ton age? Tu n’as personne? Tu ne t’es pas trouvé une petite amie? Mais ne sois pas si nerveux!* (‘Why do you come here at your age? Don’t you have anyone? Didn’t you find a girlfriend? **But don’t be so nervous!**’) [6]; *Eggert l’interrompt. Harransson venait de lancer son attaque. Autant frapper à son tour!* (‘Eggert interrupts him. Harransson has just begun his attack. **Attack in your turn!**’) [7].

Thus, it should be noted that this emotional and expressive macro-intention is expressed by verbal sentences, to be more precise, imperative sentences in both Tatar and French. The imperative paradigm in the compared languages has a number of differences that are manifested: 1) in the quantity and composition of the forms of the paradigm; 2) in the presence of dissimilarities of distinctive features on which the imperative paradigms of the compared languages are based, alongside the existence of the common feature in both languages (the inclusion of one person / several persons in the number of performers). The Tatar imperative has the paradigm consisting of four forms, built on the following distinctive features: 1) the inclusion of one person / several persons in the number of performers; based on this feature are the forms *bar (go)*, *barsyn (he should go)* as opposed to the forms *barygyz (you should go)*, *barsynnar (they should go)*; and 2) the participation / non-participation of the person to whom the incentive is directed in the speech act; based on this feature are the forms *bar (go)*, *barygyz (you should go)* as opposed to *barsyn (he should go)*, *barsynnar (they should go)*.

The paradigm of the French imperative consists of three forms, which are based on the following characteristics: 1) including / not including the speaker in the number of performers; here the forms *regarde*, *regardez* and *regardons* are opposed; 2) including one person / several persons apart from the speaker in the number of performers; this characteristic helps to oppose the forms *regarde* and *regardez*. The form *regardons* can be addressed to one or several persons including the speakers themselves, therefore, this form is not marked with regard to the number of performers.

It should be noted that the Tatar imperative allows using a pronoun as the subject of the sen-

tence, while the French imperative is always a subject-less construction.

It is interesting that the emotional and expressive imperative sentences are typical and widely used both in Tatar and in French. In both languages, we considered the imperative sentences that can be used in a variety of contexts because of their emotional intensity and they acquire different shades and meanings depending on the intonation. Emotional intensity can be enhanced by various intensifiers. The number and capacity of intensifiers in each language differ. In most of the sentences of the Tatar language, different particles intensify the content. It is necessary to highlight the particle *inde (well)*. In the French language, the conjunctions *donc*, *mais* and others are used in the corresponding sentences.

It should be noted that the correlation of emotional and expressive sentences with emotions they express as well as the definition of this correlation is a complex issue determined by certain circumstances. On the one hand, the degree of adequacy for conveying an emotion may be affected by spontaneity, which does not allow for thinking over the construction choice, the individual moral and psychological features and the interlocutors’ social experience. V.I.Shakhovsky states that “it is impossible to establish the absolute adequacy of linguistic means to the expression of all shades of each emotion. The real world of emotions and their model world (their verbal expression) will never fully coincide” [32: 90]. This opinion is shared by B.A.Serebrennikov who believes that language is poorer than thinking, since it is not able to reflect all the images, feelings and ideas, especially the new ones [33].

Another factor complicating the solution of our problem is the fact that the written fixation of oral speech often deprives it of the emotional tone, and the context does not always convey the emotional state of the speaker. The intonation of a sentence fixed in written form undergoes only a partial modification.

Considering the above-mentioned sentences, it is seen that in both languages the sentences most frequently express the negative evaluation of the interlocutor’s character. The emotional and evaluative information might be used by the speaker in order to change or affect the nature of the interlocutor. For this purpose, the sentences contain emotional and evaluative nouns, adjectives and verbs. It is the lack of subordinate parts of the sentence which makes them emotionally vivid. Having studied the emotional and expressive sentences

with implicit / explicit expression of emotions in two languages, we came to the conclusion that only the intonation, context, situation, and sometimes the lexical-semantic content are able to decode the character of the expressed emotion. Interjectional sentences are to be singled out among the self-sufficient, in other words, less contextually dependent sentences with explicit expression of emotions. Unlike the words that have subject-logical content, they wholly belong to the emotional and expressive factor in language.

From the point of view of semantics, all emotive interjections can be divided into three groups:

1) interjections that can inform about the emotions of approval: “joy”, “admiration”: *Ura!* (‘Hurrah!’) *Vo! Hourra!* (‘Bravo! Hurrah!’) The meaning of these interjectional sentences is less dependent on the context and situation, although sometimes the latter are able to specify the emotion expressed by these sentences.

“*Vengerskiy garnitur kaytty. Vo!*” (‘Hungarian suite has come. **Excellent!**’) [4]; “*Egetlär beravyzdan: – Urra! – kychkyryp, Isaknyñ küñelen kütärdelär*” (‘The guys cried all together: **Hurray!** perking up Isak’s mood’) [4];

Bravo! Je ne me reste plus qu’à vous souhaiter bonne chance (‘**Bravo!** I have no choice but to wish you good luck’). [6]; *Jacques parut sur le seuil, disant: – Ah! Là voilà! Hip! Hip! Hourra! – criait la bande* (‘Jacques appeared in the doorway, saying: Ah! Here it is! **Hip! Hip! Hurray!** – shouted the band’) [7].

Thus, interjectional sentences expressing approval can be found both in Tatar and in French. Their similarity is revealed in their independence of the context. Comparing interjectional sentences in Tatar and French, it must be noted that they express emotions in the most general form. This is due to the fact that interjections functioning as syntactically indivisible sentences are deprived of the category features which are peculiar to content words (the absence of the nominative function, as well as the system of word-building and grammatical forms, formal autonomy, syntactic isolation; peculiar sound structure).

2) interjections, the meanings of which are associated with disapproval: “resentment”, “contempt”, “indignation” and others: *Tfü!* (‘Ugh!’) *Fu!* (‘Phew!’) *Uf!* (‘Whew!’) *Hélas!* (‘Alas!’), *Par exemple!* (‘For example!’), *Tiens!* (‘Look!’), *Pouah!* (‘Ugh!’), *Peuh!* (‘Pooh!’), *Hou!* (‘Hou!’), *Fi donc!* (‘For shame!’), *Heu!* (‘Uh!’), *Hum!* (‘Hum!’).

“*Akcha! Tfü! Tökeräm min akchaga!*” (‘Money! **Ugh!** I spit upon money!’) [4]; “*Fu!*

Žäfa ikänseñ, kaydan bashyma bäla aldym” (‘**Phew!** You are a real trouble, where did I get you from’) [4]; “*Sentral’nyy? Sentral’nyy?... Uff...*” (‘**Central? Central?... Whew...**’) [4];

Par exemple! s’écria cette horrible femme (‘For example! exclaimed that horrible woman’) [7]; *Craignez-vous de troubler mon repos? Hélas! Je n’en puis prendre dans la cruelle situation où je me trouve!* (‘Are you afraid to disturb my rest? **Alas!** I cannot get in the cruel situation where I am!’) [7]; *Tiens! s’écria-t-il. Que je suis bête* (‘**Look!** he exclaimed. How stupid I am’) [6].

Both in Tatar and in French, there is a special group which consists of abusive interjection expressing negative attitude. These interjections are pronounced with a special intonation and able to express “outrage”, “anger”, “annoyance”, “fury”, “resentment”, etc: *Shaytan algyry!* (‘Darn it!’) *Atañ bashy!* (‘Damn it!’) *Psychak kergere!* (‘What the hell!’) *Yläť kyrgyry!* (‘Argh!’) *Sacrebleu!* (‘Damn it!’), *Que diable!* (‘What the hell!’), *Non de Dieu!* (‘For God’s Sake!’) *Tiens!* (‘Oh, my!’), etc:

“*Gönah shomlyklary! Ayak astyna ällä närsä žäep*” (‘**You oaf!** You underlaid the damnedest things’) [4]; “*I, chänchelgän! Tiz tor inde, ni baka kebek žäelep yatasyn!*” (‘**Oh, damn!** Rise up quickly, why are you lying like a frog!’) [4]; “*Kahär sukkan närsä! Bügen ikenche žädey inde, ak yaka sorarga mysykl itep kilde*” (‘**What the hell!** He is the second one who came to ask for a white collar today’) [5];

Allons, allons, voyons! Que diable! (‘Let’s go, let’s go, let’s see! What the hell!’) [6]; *C’est pas juste. Merde alors!* (‘It’s not fair. **Shit!**’) [7]; *Et qui je trouve dans le confessionnal, derrière la grille? Le diable! Apostolo Farinelli!* (‘And whom do I find in the confessional, behind the grill? **Nerts!** Apostolo Farinelli!’) [7].

The interjectional sentences expressing disapproval are widely used in both languages. Their similarity is that they are less dependent on the context and easily decode the emotions expressed in these sentences. The group of abusive interjectional sentences both in Tatar and in French includes set phrases addressing supernatural forces. Many secondary interjections in French were formed mainly on the basis of religious vocabulary, especially solemn vows.

3) polysemantic interjections. Depending on the intonation and contextual conditions, they are able to express the most diverse and sometimes opposites in their natural emotions. Here you can see the examples of the compared languages: *A!*

Ah! Oh! O! ('A! Ay! Ih! I!') *Abau!* ('My God!') *Alas! Oh! O! Mon Dieu!* ('My God'), *Ah! Oh! He! Zut!* ('Hell!').

"**Ah, ah...** *Kittejme, žany!* Mine tashlap *kittejme? Gäühär! Žany...*" ('**Ah, ah...** Did you leave, honey! Did you leave me alone? Gauhar! Darling...') [4]; "**A-a-a!..** *Menä bu göl matur ikän!*" ('**Ah-ah-ah!..** This plant is nice!') [4]; "**Ay!** *Kharap ittem, apaga yazgan khatny da, gazetaga digän mäkäläne dä ertyp attym, akhry*" ('**Ah!** Damage, I am afraid I ripped both the letter written to my sister and the article for a newspaper into pieces') [5];

Oh! *Que je suis bête!* ('**Oh!** How stupid I am!') [6]; **Bon Dieu!** *Que c'est dur!* ('**Good Lord!** It's hard!') [7]; *Elodie panique: - Mon Dieu, mon Dieu!* "*Qu'allons nous faire??"* ('Elodie panic, "**My God, my God!** What are we going to do?") [7].

This group also includes interjections, which almost always express "surprise" (sometimes with shades of "resentment" or "delight"): *Ihi!* ('Well!') *Oho!* ('Wow!') *Uhu!* ('Oh!') *Comment!* ('What!'), *Eh bien!* ('Well!'), *Pas possible!* ('Impossible'), *Bah!* ('Oh, my!'), *Oh là là!* ('Oh dear!').

"**Ihi!** *Menä kayda ikän räkhät, - dide"* ('**Well!** So here is the pleasure, - said he') [4]; "**Uhu!** *Srazy yugary menep kittle!*" ('**Oh!** He went upstairs immediately!') [4]; "**Oho!** - *Korbanovnyñ, chyrae yaktyryp kite*" ('**Wow!** - Korbanov smiled') [5];

Commenpt! *Votre Majesté s'ennuie!* dit M. de Treville. ('**What!** Your Majesty is bored! said M. de Treville') [6]; **Eh bien,** *s'écria celui-ci en jetant son épée sur le lit [...]* ("'**Well**", he cried, throwing his sword on the bed [...]) [7]; *Oh! c'est vous, c'est vous!* **Pas possible!** ('Oh! It's you, it's you! **Impossible!**') [7].

The interjectional sentences which are dependent on the context and able to express opposite emotions can be found in both languages. The role of the linguistic situation and context is growing. We should also note the interjectional sentences of surprise. The situational dependence in these sentences is high in both languages. The interjectional emotional and expressive sentences are very often accompanied by sentences, expressing emotions with greater certainty and detail.

Emotional and expressive sentences are constructed as substantive ones which semantically reveal the quality of the feature of the object being evaluated, which moves this object beyond the bounds of the norm adopted in the language community. An emotional and evaluative noun can be

the principal part of the sentence while expressing positive emotions:

"*Küktä koyash balkyy, agachlar arasynda koshlar kontsert birä*" ('The sun is shining in the sky, the birds are giving a concert among the trees') [4]; "*Menä shulay! Molodets! Yaratam turydan bärgän keshene!*" ('Exactly! **How clever of you!** I like the people who tell the truth!') [4];

Le gaillard! *Qui ne risque rien n'a rien!* ('**Well done!** (literally - **Fine fellow!**). Nothing ventured, nothing gained!') [7]; **Une beauté!** *Vous ressemblez beaucoup à votre mère!* ('**Gorgeous!** (literally - **Beauty!**). You look like your mother!') [6];

Here are some examples of emotional and expressive sentences, denoting negative emotions in the compared languages:

- **Bolvan!** *Tuktat bu gazapny!*; - **Kortkych, parazit,** *ülät yalagyry!*;

- **Idiot!** Stop that pain! [4]; - **Bastard, moocher, slob!** [5];

Sottises que cela! **Sottises!** ('That's nonsense! **Silly talks!** (literally - Stupid things!') [6]; **Une menteuse!** *Tu m'as trahi!* ('**A liar** (f.)! You betrayed me!') [7].

Positive emotions can be expressed by sentences with nouns that perform the attributive function: "**Batyr egetlär, batyr kyzlar!**" ('**Brave guys, brave girls!**') [4];

Un monde de loisirs, vraiment! *s'exclama Chawki;* ('**The world of leisures, indeed!**' exclaimed Chawki') [4]; **Ô dernier feu de l'année!** *Le dernier, le plus beau!* ('**Oh, the last fire of the year!** The last, the most beautiful!') [6].

Let us consider the same sentences, expressing negative emotions: "- **Tires chyray!** - *dide Mär-fuga!*" ('**Lemon face!** - said Marfuga!') [4]; "*Alar ikese dä bik shikle elementlar. Doshman agentlary...*" ('They are both suspicious guys. **Enemy's agents...**') [4]; **Hi, mämi avyz!** ('**Phew, doormat!**') [5];

Bénéfice du doute ('Benefit of the doubt') [7]; - *Ne m'approche pas!* **Fils de chien!** ('Do not come near me! **Son of a dog!**') [7].

Thus, it should be noted that substantive emotional and expressive sentences are widely used in both languages. The above examples are characterized by categorical emotional evaluation. However, the difference is manifested in the fact that nouns, the principal parts of the substantive sentences in the French language, are used sometimes with and sometimes without an article. The definite article helps to perform the intensifying function in the most complete and regular way. Although the

forms of the article are fixed, the functioning of the determinatives depends considerably on the semantics of the noun, its lexical meaning and environment. In the Tatar substantive unextended sentences, affixes of belonging are used for intense expression of emotions. They are used to express not only actual belonging, but also different relationships, i.e. for secondary functions.

The metaphorical model is the most expressive in describing feelings. It helps to depict an emotion or mental state as substances independent from the person. Moreover, each psycho-emotional state has its own characteristic way of influencing the subject. The speaker has a number of different means of expressing emotions at their disposal. Some of them are comparative constructions and statements describing the behaviour of the subjects of denotative situation. The comparison is used to enhance the expressive capacity of the statements. The objects of comparison can be zoonyms or the person in various manifestations: *grumbles like an old man; even hunched like an old woman; rejoices like a child (baby)*. Qualities and properties of objects can also be attributed to a person (*hat, broom, lamp post, etc.*). Decoding the meaning of these expressions is carried out through the context. The intensifying function in these sentences is fulfilled by definitions, as well as in the previous sentences:

“Borhanov ul chakta shtangistlarnyñ berse ide.

Timer bagana! *Beläklär! Kükräk chuennan koelgan! Chumyp su astynda øch minut tora!”* (‘Borhanov was one of weightlifters that time. **Iron pole!** Elbows! His chest was made of steel! He slipped beneath the water for three minutes!’) [4]; *“Kart seberke! Sin, kart et! – dip ükerde”.* (‘**Old jolly dog!** You are an old jolly dog! – roared she’) [5] *“Hi, angyra! Žebegän avyz’!* (‘Ugh, an idiot! **Doormat!**’) [5].

Tue-moi! Oh! espèce de tête de bois! (‘Kill me! **Oh! Sort of blockhead!**’) [6]; *Ah! Savate!* (‘Ah! **Muddler!**’) [7]; *J’ai crié: – Cochon!* (‘I shouted, **“Pig!”**’) [7]. [6]; [7].

Emotional and expressive sentences containing secondary nomination elements are typical constructions of both Tatar and French. The feature of these sentences is that the referent can be identified only through the context. We came to the conclusion that these sentences are most frequently used to express negative emotions, although there are also cases of their use for the expression of positive emotions. This is proved by the author’s remarks and the context. It is necessary to note one feature that is associated with the use / disuse of the article with the noun, which is the principal

part of the emotional and expressive substantive sentence in the French language. This is connected with the general rule of omitting the article in the direct address. If the third persons are discussed in their absence, the article is used. However, exceptions are possible when the article has a stylistic function.

In spontaneous speech, the greatest attention is paid to the external manifestation of emotions, both real and imaginary. Language has many emotional and expressive constructions that allow the interlocutors to easily express what they feel. Having compared the structural and semantic organization of emotional and expressive sentences in the Tatar and French languages, we came to the conclusion that they are constructed using a particular set of emotional expressive means, namely:

1. The current stage of development of linguistics, including contrastive, is described as anthropological. The emotional and expressive factor and its manifestations present the main subject of research of many Russian and foreign linguists;

2. The researchers have no common view with regard to such categories as emotiveness, evaluation and expressivity. We believe that these categories are in the position of subordination, namely expressivity includes emotiveness and evaluation;

3. Emotion is characterized by contagion and can be expressed in language as follows. Macro-intention *“Is the situation not worthy of this feeling? Now do you understand my state?”* is represented with substantive sentences both in Tatar and French. These languages have extended and unextended forms of emotional and expressive sentences, where emotions can be expressed implicitly or explicitly. This shows the similarity of the macro-intention implementation in these two languages. The difference manifests itself in the means of intensification, while the sentences of the Tatar language are intensified with affixes of belonging, qualifiers of the noun and possessive pronouns, and in the French sentences this function is performed by the articles;

4. The intensity and depth of feelings experienced by the speaker affect the choice of language means. A special type of statement refers to the “confession” speech genre. This semantic situation is presented both in Tatar and French substantive sentences. The difference manifests itself in the intensification means. The sentences of the Tatar language are intensified with affixes of belonging and the deictic adjective *angyj (such)*. In the French sentences this function is performed by

demonstrative pronouns, emotional and expressive adjectives and the adjective *quelle*;

5. The desire to tell the interlocutor about your feelings also influences the choice of emotional and expressive sentences. It should be noted that this emotional and expressive macro-intention is expressed by verbal, imperative sentences in both Tatar and French. The imperative paradigm in the compared languages has a number of differences, which are manifested: 1) in the quantity and composition of the forms of the paradigm; and 2) in the presence of dissimilarities of distinctive features on which the imperative paradigms of the compared languages are based, alongside the existence of the common feature in both languages (the inclusion of one person / several persons in the number of performers). Emotional intensity can be enhanced by various intensifiers. The number and capacity of intensifiers in each language are different. In most of the sentences of the Tatar language, different particles intensify the content. It is necessary to highlight the particle *inde* ('well'). In the French language, the conjunctions *donc*, *mais* and others are used in the corresponding sentences;

6. Interjectional sentences expressing emotions in the most general way are to be singled out among the emotional and expressive sentences. Specific features appear in the sentences of the two compared languages, expressed by secondary interjections;

7. Substantive sentences are the most widely used and numerous in Tatar and French. The constantly manifested intensification function is realized in the form of the article in the substantive emotional and expressive French sentences, while in the Tatar sentences this function is performed by the affix of belonging;

8. Emotional and expressive sentences in which the phenomenon of secondary nomination is used are typical constructions of the Tatar and French languages. We came to the conclusion that these sentences are used most frequently for the expression of negative emotions.

The study revealed the existence of similar typological features that, in their turn, show a certain similarity between the Tatar and French languages belonging to different language families. The existing differences are manifested mainly in the structure of these sentences in the compared languages, whereas in the field of semantics, these sentences show a lot of similarities due to the commonality of the human mind. Subsequent investigations of syntactic constructions and phraseological units as a means of realizing the category of expressiveness

in the languages of different language families can be facilitated by involving the well-known project "Global Lexical Statistical Database" [34]. The unified system of transcription, historical comments and annotations that this database contains will enable the researcher to have a deeper understanding of the problem of the dyad "language – emotions".

References

1. *Angert M.B.* Vosklitsatel'nye predlozheniya kak sredstvo vyrazheniya superlativa v moldavskom yazyke v sopostavlenii s frantsuzskim: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kishinev, 1973. 30 s. (in Russian)
2. *Blokh M.Ya.* Vseobshchee i osobennoe pri sopostavitel'nom izuchenii yazykov // Sopostavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu yazyku. M.: Nauka, 1987. S. 73-83. (in Russian)
3. *Starostin G. i dr.* K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii s Evgeniem Satanovskim. M.: Izd. dom "Delo" RANKhiGSb, 2015. 584 s. (in Russian)
4. *Nurullin V.* Povest'lar // Saylanma äsärlär / V. Nurullin: 2 t. I t. Kazan: Tatar. kit. näshr., 1991. 494 s. (in Tatar)
5. *Rafikov S.* Avyl irtäse: Roman / S. Rafikov. Kazan: Tatar. kit. näshr., 1966. 359 s. (in Tatar)
6. *Kaplan L.* Le pont de Brooklyn / L. Kaplan. Paris: P.O.L. 1987. 236 p. (in French)
7. *Pennac D.* Messieurs les enfants / D. Pennac. Paris: Gallimard, 1997. 239 p. (in French)
8. *Bayramova L.K.* Sopostavitel'nyy sintaksis russkogo i tatarskogo yazykov. Kazan': Delo, 1997. 165 s. (in Russian)
9. *Malinovich Yu.M.* Ekspressiya i smysl predlozheniya / Problemy emotsional'no-ekspressivnogo sintaksisa. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1989. 214 s. (in Russian)
10. *Aleksandrova O.V.* Problemy ekspressivnogo sintaksisa. M.: Vysshaya shkola, 1984. 211 s. (in Russian)
11. *Leont'ev A.A.* Psikholingvistika. L.: Nauka, 1967. 120 s. (in Russian)
12. *Nosenko E.L.* Affektivnaya rech' kak funktsional'no-stilisticheskaya raznovidnost' rechi // Semantika slova i predlozheniya: Sb. nauch. trudov. Dnepropetrovsk, 1983. S. 103-108. (in Russian)
13. *Kurbatov Kh.R.* Tatarskaya lingvisticheskaya stilistika i poetika. M.: Nauka, 1978. 218 s. (in Russian)
14. *Malinovich Yu.M.* K opredeleniyu statusa emotsional'no-ekspressivnogo faktora v yazyke // Semanticheskaya interpretatsiya prostogo predlozheniya. Irkutsk, 1983. S. 87-95. (in Russian)

15. *Shigarevskaya N.A.* Ocherki po sintaksisu sovremennoy frantsuzskoy razgovornoy rechi. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1970. 216 s. (in Russian)
16. *Ushakova T.M.* O sistemnoy organizatsii frantsuzskogo affektivnogo sintaksisa // Voprosy teorii i istorii romanskikh yazykov: Mezhdunarodnyy sb.-k. Vypusk 3. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1985. 159 s. (in Russian)
17. *Gak V.G.* Besedy o frantsuzskom slove. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966. 335 s. (in Russian)
18. *Korzina S.A.* Frantsuzskiy yazyk. Rechevye klishe v dialogicheskoy rechi. M.: Vysshaya shkola, 1991. 110 s. (in Russian)
19. *Teliya V.N.* Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy // Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy. M.: Nauka, 1977. S. 129-221. (in Russian)
20. *Turanskiy I.I.* Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke. M.: Vysshaya shkola, 1990. 173 s. (in Russian)
21. *Gatiatulina Z.Z.* Sravnitel'naya tipologiya slovoobrazovatel'nykh sistem angliyskogo i tatarskogo yazykov. Kazan': KGPU, 1984. 231 s. (in Russian)
22. *Tumasheva D.G.* Tatarskiy glagol. Opyt funktsional'no-semanticheskogo issledovaniya grammaticheskikh kategoriy. Uchebnoe posobie. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1986. 189 s. (in Russian)
23. *Gizatullina A.K.* Emotsional'no-ekspressivnye predlozheniya v tatarskom i frantsuzskom yazykakh, osnovannyye na povtoryaemosti elementov: Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 12. Ch. 3. S. 56-60. (in Russian)
24. *Gizatullina A.K.* Emotsional'no-ekspressivnyy sintaksis v tatarskom i frantsuzskom yazykakh: Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 164 s. (in Russian)
25. *Galieva N.F., Galiullina G.R.* Emotive idioms Tatar language as national mentality reflection / Nadiya Faridovna Galieva, Gulshat Raisovna Galiullina // Journal of Language and Literature. Volume 6, Issue 1, 1 February 2015, Pp. 273-276. (in English)
26. *Kolshanskiy G.V.* Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v yazyke. M.: Nauka, 1975. 230 s. (in Russian)
27. *Vasil'eva V.N.* Formirovaniye kommunikativnoy kompetentsii v obuchenii inostrannym yazykam na osnove metodov poznavatel'no-prakticheskoy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy romanskikh yazykov i sovremennyye metodiki ikh prepodavaniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (23-24 oktyabrya 2014g.) / Pod red. V.N.Vasil'evoy. Kazan': Kheter., 2014. 180 s. (in Russian)
28. *Kratkiy psikhologicheskiy slovar' / Sost-l' Karpenko L.A.; Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo M.: Politizdat., 1985. 431 s. (in Russian)*
29. *Obshchaya psikhologiya / Pod red. Petrovskogo A.V. M.: Prosveshchenie, 1986. 464 s. (in Russian)*
30. *Vol'f E.M.* Funktsional'naya semantika otsenki. M.: Nauka, 1985. 226 s. (in Russian)
31. *Valeeva A.F., Belova E.A.* Ekspressivnost' i otsenochnost' v slengizirovannoy rechi frantsuzskoy molodezhi // Frantsuzskiy yazyk i metodika ego prepodavaniya: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov / Pod red. V.N. Vasil'evoy, O.F. Ostroumovoy, N.S. Andrianovoy. Kazan': Kheter, 2015. 142 s. (in Russian)
32. *Shakhovskiy V.I.* Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. Voronezh, 1987. 192 s. (in Russian)
33. *Serebrennikov B.A.* Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie. M.: Nauka, 1988. 247 s. (in Russian)
34. *Global'naya leksikostaticheskaya baza dannykh.* URL: <http://starling.rinet.ru/new100> (accessed: 20.03.2016). (in Russian)

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: ЭМОЦИИ И ЯЗЫК

Алсу Фоатовна Валеева,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18,
alsval@mail.ru

Альбина Камилевна Гизатуллина,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18,
albina27.3@mail.ru

Статья раскрывает особенности реализации экспрессивного синтаксиса в татарском и французском языках, являющегося в настоящее время объектом пристального внимания исследователей. Эмоциональное состояние коммуникантов оказывает влияние на возникновение у гово-

рящего и слушающего определенных коммуникативных установок, а также на структурно-семантическую организацию предложений, реализующих эти установки в процессе языкового общения. Эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках являются специализированными синтаксическими средствами и служат для реализации категории эмоциональной экспрессии.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, эмоции, эмоциональная оценка, эмоциональная экспрессия, синтаксическая структура, татарский язык.

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом к сопоставительному изучению языков. Проблема сопоставительного изучения языков является предметом лингвистических исследований во многих трудах отечественных и зарубежных ученых [1-2]. Это объясняется рядом причин: 1) контактностью, возникающей как следствие социального, мировоззренческого, культурного сближения народов, независимо от стран, в которых они проживают, государственной политики; 2) стремлением улучшить преподавание и изучение иностранных языков; 3) возрастающей ролью национальных языков в нашей стране, в частности татарского; 4) необходимостью учета особенностей родного языка в методике преподавания неродного языка.

Современные российские исследователи в области сравнительно-исторического языкознания – Г.С.Старостин, А.В.Дыбо, А.Ю.Милитарев, И.И.Пейрос, Е.А.Сатановский – высоко оценивают заслуги компаративистов, в частности выдающийся вклад представителя Московской школы компаративистики С.А.Старостина [3].

Сопоставительная лингвистика заняла прочное место в ряду многочисленных лингвистических дисциплин. Ее статус обусловлен фундаментальными факторами теоретического и практического характера. Наиболее точно выражено, на наш взгляд, основное значение сопоставительного исследования двух и более языков в следующих словах: «раскрывая соотношение всеобщего и особенного, сопоставление языков тем самым помогает полнее и глубже осмыслить собственные явления и категории каждого отдельного языка, подвергающегося сопоставительному изучению; описание явлений языка становится типологически определенным, т.е. теоретически глубже осмысленным» [2: 73].

Материалом для исследования послужили оригинальные литературно-художественные произведения известных татарских и французских писателей XX века (В.Нуруллин, 1991 [4]; С.Рафиков, 1996 [5]; L.Kaplan, 1987 [6];

D.Pennac, 1997 [7]). Выбор жанра художественной литературы обусловлен тем, что в текстах, представляющих логическое единство речи персонажей и авторского текста, на наш взгляд, достаточно ярко должно отражаться вербальное выражение переживаемых субъектом эмоций.

В работе использован комплекс лингвистических методов и приемов анализа фактического материала, основным из которых является сопоставительно-сравнительный, позволяющий определить сходства и различия между двумя сопоставляемыми языками, выявить причины сходств и различий, определить системные соответствия и несоответствия между сопоставляемыми языками. Сопоставительная интерпретация опирается на методику параллельного изучения, позволяющего обнаружить общие и отличительные свойства и признаки исследуемых языков, содержательное же их отличие конкретизируется при помощи структурной и стилистической интерпретации. Типологическое исследование языков осуществляется по анкетной модели, в основе которой лежит список признаков, согласно которому и проводится сопоставление языков. Рассматриваемые приемы сопоставительно-сравнительного метода и модель типологических исследований целенаправленно используются для определения лингвистических универсалий.

Нами предпринимается исследование в рамках синхронного сопоставительно-типологического анализа эмоционально-экспрессивных предложений двух генетически неродственных языков, какими являются татарский и французский языки.

Современная лингвистика характеризуется как антропологическая: стремится познать язык в тесной связи с человеком, с его сознанием, мышлением, практической деятельностью. Иными словами, лингвистика призвана не только заниматься изучением языка, но и решать задачи взаимопонимания между людьми во всех сферах жизни. При этом следует учитывать, что взаимопонимание коммуникантов осуществляется через подачу и адекватную интерпретацию не только фактуальной информа-

ции, но и информации о личности говорящего субъекта, в частности о его чувствах и эмоциях. В лингвистике нет, пожалуй, ни одной проблемы, где в той или иной мере не проявился бы эмоционально-экспрессивный фактор (ЭЭФ). Наличие этого фактора естественно, так как язык, являясь сложным и многомерным явлением, наряду с психикой и мышлением является одним из важных чувственных атрибутов человека. Эмоциональное состояние коммуникантов оказывает влияние на возникновение у говорящего и слушающего определенных коммуникативных установок, а также на структурно-семантическую организацию предложений, реализующих эти установки в процессе языкового общения.

Необходимо отметить, что данная проблема анализируется в настоящее время во многих областях лингвистики, об этом свидетельствуют многочисленные исследования. Следует сказать, что традиционная лингвистика в лице таких авторов, как Е.Ф.Арсентьева, Н.Д.Арутюнова, Л.К.Байрамова, Ш.Балли, В.Н.Васильева, В.В.Виноградов, Ф.А.Ганиев, З.З.Гатиатуллина, М.З.Закиев, М.Н.Закамулина, Г.В.Колшанский, Ю.М.Малинович, Б.А.Серебренников, В.И.Шаховский, Р.А.Юсупов, постоянно подчеркивает настоятельную необходимость учета эмоционально-экспрессивного фактора и его анализа в конкретных лингвистических исследованиях.

Предпринимаются попытки определить место ЭЭФ в семантической теории языка, вычленив экспрессию, связанную с выражением эмоций как категорию, имеющую самое непосредственное отношение к семантическим процессам [8-9], осуществляются попытки аргументировать наличие эмоциональной функции языка [1], экспрессивной функции языка [10].

Проблема эмотивности и экспрессивности исследуется и с точки зрения стилистического описания языка [3]. Вопросы экспрессивности освещаются в литературе также и в психолингвистическом аспекте [11-12], в аспекте общей теории речевой деятельности и в связи с вопросами словообразования [13]. ЭЭФ является предметом многочисленных исследований и по синтаксису [9; 14].

Однако в решении проблем, связанных с ЭЭФ в языке, у исследователей нет единого мнения. Это прежде всего касается таких категорий, как эмотивность и экспрессивность. Для обозначения этих категорий употребляются различные термины: «эмоциональная окрашен-

ность» [15], «эмоционально-экспрессивная окраска», «аффективный оттенок» [16], «экспрессивная окраска» [17], «экспрессивные оттенки» [18], «экспрессивный эффект» [19]. Эти термины образуют в современном отечественном и зарубежном языкознании «весьма своеобразную терминосистему, чтобы не сказать терминосмещение», что в значительной степени осложняет процесс исследования [20: 6]. На современном этапе исследования интересующей нас проблемы в плане уточнения терминологии и углубления значений употребляемых категорий особое значение приобретают труды татарстанских исследователей – носителей языка [21-24]. Так, в работах Г.Р.Галиуллиной и Н.Ф.Галиевой эмотивные идиомы татарского языка рассматриваются как отражение национальной ментальности и связываются с семантическим и культурным потенциалом на базе специфики татарской психологии и ментальности [25].

Что же касается нашего понимания категорий *эмотивность*, *оценочность*, *экспрессивность*, *интенсивность*, то следует сказать, что данные категории выявляются в разных планах человеческой деятельности, находятся в сложных взаимоотношениях между собой и представляют собой разноплановые сущности, что с неизбежностью требует их четкой дифференциации. В нашей работе под этими категориями, вслед за Н.А.Бесединой, В.Г.Гаком и И.И.Туранским, понимается следующее [20]:

Эмотивность – это отражение наших эмоций, чувств и внутренней чувственной оценки внеязыковой действительности, которое находит свое выражение в определенных языковых единицах и средствах, таких как междометия, эмоционально-окрашенные существительные, прилагательные, наречия и глаголы. Это позволяет рассматривать эмотивность как коммуникативно-семантическую категорию.

Оценочность – это категория, которая связана с одним из аспектов взаимодействия человека с действительностью: закрепленное в языке отношение субъекта к объекту номинации. Оценка всегда осознана и находит свое выражение в таких параметрах, как хорошо / плохо.

Экспрессивность – это коммуникативно-прагматическая категория, которая связана с целенаправленным воздействием на слушателя посредством впечатляющей силы предложения. Это позволяет рассматривать ее как способность языка усиливать проявление чувств, эмоций говорящего, а также выражать их в подчеркнутой, выделенной форме.

Интенсивность – семантическая категория, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. С позиций лингвиста интенсивность есть мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность.

Подход к вербальному выражению эмоций позволяет по-новому взглянуть на структурные и семантические характеристики языковых единиц в их эмоционально-экспрессивной функции. Такой подход требует, на наш взгляд, предварительного определения роли и места эмоций в общей системе языковой деятельности. В психологии под эмоциями понимается сложный феномен. С одной стороны, это – особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами, с другой стороны, – выражение отношения к окружающему миру и к себе [15; 26-28]. Иными словами, эмоции – это «психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [29].

Нам представляется оправданной позиция лингвистов, которые считают, что в языке не может быть чистых эмоций, так как, во-первых, эмоция сознательна, т.е. связана с интеллектом, во-вторых, сам способ ее реализации в языке предполагает рациональный аспект, ибо никакая эмоция, не прошедшая через фильтр сознания, не может быть непосредственно выражена в системе языка [26: 143; 30-31]. Поэтому разделение эмоционального и интеллектуального может быть лишь условным.

Стремление говорящего передать вербально свое эмоциональное отношение к предмету речи ведет к необходимости выбора определенной синтаксической единицы, наиболее приспособленной для этой цели. Мы считаем, что эти структуры являются формой организации эмоционально-экспрессивных предложений и носят системный характер. Говорящий, выражая свое или имитируя чужое эмоциональное состояние, старается вызвать ответное чувство-переживание у собеседника. Для того чтобы пробудить в адресате ответное чувство, превратить его из пассивного реципиента в активного субъекта диалога, необходимо личное переживание, эмоция. Получение эмоционального отклика нередко становится самостоятельной целью экспрессивного высказывания. Однако цель – передать движения души человека, его

внутренних переживаний – довольно сложна, особенно если говорящий находится в состоянии аффекта, когда эмоции переполняют его. Поэтому столь важно формирование коммуникативной компетенции в обучении как французскому, так и татарскому языкам на основе методов познавательного-практической деятельности [27].

В разговорной речи выражение эмоций осуществляется несколькими способами. В первом случае рассказчик дает подробное описание обстановки, действующих лиц и событий, чтобы адресат самостоятельно оценил возможность возникновения того или иного чувства, в идеале – сам почувствовал то же, что и говорящий. Всем своим видом он как будто говорит: «Разве ситуация не достойна этого чувства? Теперь ты понимаешь мое состояние?»

Болваннар, сволочлар! Акча арам! һәммәсен эт итеп ярырга кирәк, сволочларны - дип охранны, аның агентларын сүкте [4]; **Ахмак! Авызыңа кергән калжаны йота белмисең икән син!** [4]; **Бәгырем минем!.. Күз нурым минем! Алдыйммы соң?! Сине – бар нәрсәдән кыйммәтле, бар нәрсәдән якын, изге булып күренгән идеалымны алдыйммы соң?!** [5].

C'est un fou ... et même pire que ça! Un zombi! [6]. *Это безумец... и даже хуже этого! Зомби!; Idiot! hurle Agoun'chich. Ne tire pas comme ça* [7]; *Après, je me suis sauvé pour ne plus entendre: – Tu as tué ta mère! Tu es un menteur! Un simulateur! Un bon à rien!* [6].

Как видим, в татарском и французском языках эти предложения являются субстантивными. В этом проявляется их сходство. Кроме того, в двух языках широко используются нераспространенные субстантивные предложения. Что же касается различий, то они проявляются в средствах интенсификации: если в предложениях татарского языка – это аффиксы принадлежности, определители существительного и притяжательные местоимения, то в предложениях французского языка интенсифицирующую функцию выполняют артикли. В эмоционально-экспрессивных предложениях французского языка неопределенный артикль указывает на степень признака, т.е. неопределенный артикль приобретает несвойственное ему в нейтральном синтаксисе значение – выражение интенсивности качественной характеристики.

Второй способ поведать о своих чувствах – это прямо их назвать. В непринужденном диа-

логе обычно так и поступают. Воздействующая сила таких предложений зависит от глубины и интенсивности актуализированных переживаний. Семантическая структура высказывания выглядит следующим образом: «**X чувствует У по отношению к Z**». Этот тип высказываний относится к речевому жанру «признание». В роли предиката выступают имена чувств: *бик каты ачуланырга, яратырга, сагынырга, куркырга, арырга, se fâcher, aimer, s'ennuyer, avoir peur, être fatigué / разозлиться, любить, соскучиться, испугаться, устать* и т.п. Вторую группу предикатов составляют глаголы, называющие внешние проявления эмоций: *шаркылдарга, куңел ачырга, еларга, үксен еларга, rire aux éclats, se réjouir, pleurer, sangloter / хохотать, веселиться, плакать, рыдать* и др. Изобразительность обеспечивается мелодическими и паралингвистическими средствами.

«*Кызым*» сүзен ишеткәч, шул җитә калды. Мөһирәның муеныннан урап алды. – **Әтием!.. Жаным!..** [5]; *Ну, Сафаров! Бәхетем! Сине теге жид коткарды! – ди* [5]; *Хәерле бәрәкәт бирсен йортка, исән-сау торамсыз? – дип, Гайшәтти елмая. Андый елмая! Андый якынлык!* [4].

Ce pauvre Franz! Personne ne peut l'encadrer! Je vais finir par le trouver éminemment sympathique [6]; *Octobre 1958! Ma révolution d'octobre! Cette charmante Virginia! Elle s'appelait sans doute Josiane ou Nicole* [6]; *Mary s'arrête de pleurer. Elle a pris la main de Chico, elle la serre. Elle dit: – Quelle douleur!* [7].

Итак, этот тип высказываний относится к речевому жанру «признание». Данные примеры передают эмоциональное состояние собеседника. Их краткость, с точки зрения структуры данных предложений, свидетельствует об интенсивности переживаемых чувств говорящего. Данная семантическая ситуация представлена как в татарском, так и во французском языках нераспространенными и распространенными субстантивными предложениями. В этом также проявляется сходство представленных предложений двух далеко не родственных языков, какими являются татарский и французский. Особенность, а следовательно, и различие, проявляются в средствах интенсификации. В предложениях татарского языка – это аффиксы принадлежности, действительное прилагательное *андый*. В предложениях французского языка интенсифицирующую роль выполняют указатель-

ные местоимения, эмоционально-оценочные прилагательные и прилагательное *quelle*.

Третий способ поведать собеседнику о своих чувствах заключается в том, чтобы указать, что хотел или мог бы сделать говорящий под влиянием эмоций. Типовые формулы таких предложений следующие:

Атыгыз инде тизрәк! [5]; *Әнием, җан кисәгем, тыңла инде сүземне!* – *диде Равил, һаман үҗәтләнгән биреп* [4]; *Огурцов тагы ярысыды: – Менә аңла инде сине! Бер тегеләй, бер болай* [4].

Continuez donc la danse... [6]; *Pourquoi viens-tu ici à ton age? Tu n'as personne? Tu ne t'es pas trouvé une petite amie? Mais ne sois pas si nerveux!* [6]; *Eggert l'interrompt. Harransson venait de lancer son attaque. Autant frapper à son tour!* [7].

Таким образом, следует отметить, что данная эмоционально-экспрессивная макроинтенция выражена глагольными, если более подробно, императивными предложениями татарского и французского языков. Императивная парадигма в сравниваемых языках имеет ряд различий, которые проявляются: 1) в количестве и составе форм парадигмы; 2) в наличии, наряду с общим для обоих языков признаком (включение в число исполнителей одного лица / нескольких лиц), несовпадения дифференциальных признаков, на которых построены императивные парадигмы в сравниваемых языках. Татарский императив имеет парадигму из четырех форм, построенную на следующих дифференциальных признаках: 1) включение в число исполнителей одного лица / нескольких лиц; по этому признаку форме *бар, барсын* противопоставлены формы *барыгыз, барсыннар*; 2) участие / неучастие любого лица в акте речи, на которого направлено побуждение; по этому признаку противопоставлены формы *бар, барыгыз* и *барсын, барсыннар*.

Французский императив имеет парадигму из трех форм, которая построена на следующих признаках: 1) невключение / включение говорящего в число исполнителей действия; здесь противопоставляются формы *regarde, regezdez* и *regardons*; 2) включение в число исполнителей одного лица / нескольких лиц, не считая говорящего; по этому признаку противопоставлены формы *regarde* и *regardez*. Форма *regardons* может быть обращена как к одному, так и к нескольким лицам, в состав исполнителей включается и сам говорящий, следовательно, эта

форма не является маркированной в отношении числа исполнителей.

Необходимо отметить, что татарский императив допускает употребления местоимения-подлежащего в предложениях, в то время как во французском языке императивные предложения – это всегда бесподлежащие конструкции.

Хотелось бы отметить, что эмоционально-экспрессивные императивные предложения характерны и широко используются как в татарском, так и во французском языках. Нами были рассмотрены императивные предложения обоих языков, которые благодаря своей эмоциональной насыщенности могут в различных контекстах и в зависимости от интонации обогащаться всевозможными оттенками и значениями. Эмоциональная насыщенность может усиливаться за счет различных интенсификаторов. Количество и потенциал интенсификаторов у каждого языка различны. Большинство этих предложений татарского языка включает в свою структуру различные частицы, которые интенсифицируют содержание. Необходимо выделить следующую частицу: *инде*. Французский язык в указанных предложениях использует союзы *donc*, *mais* и другие.

Следует отметить, что соотносительность эмоционально-экспрессивных предложений с выражаемыми ими эмоциями, определение этой корреляции – сложнейший вопрос, связанный с определенными обстоятельствами. С одной стороны, на степень адекватности передачи предложением той или иной эмоции может оказать влияние момент спонтанности, в котором до конца не осознается отбор конструкции, индивидуальные морально-психические особенности и социальный опыт собеседников. По этому поводу В.И.Шаховский пишет, что «установить абсолютную адекватность языковых средств выражения всем оттенкам каждой эмоции нереально. Действительный мир эмоций и их модельный мир (языковое отражение) никогда не будут совпадать» [32: 90]. Такого же мнения придерживается и Б.А.Серебренников, который считает, что язык беднее мышления, он не способен отразить все образы, чувства, представления, особенно новые [33].

Осложняет решение нашей проблемы и тот факт, что письменная фиксация устной речи часто снимает или приглушает эмоциональный тон, контекст не всегда передает эмоциональное состояние говорящего. Интонация предло-

жения в ее письменной фиксации преломляется лишь частично.

Рассматривая вышеприведенные предложения, мы убеждаемся, что в предложениях обоих языков чаще всего встречается негативная оценка характера собеседника. Возможно, эмоционально-оценочная информация используется говорящим в целях изменить или повлиять на характер собеседника. Для этого используются предложения с эмоционально-оценочными существительными, прилагательными и глаголами. Именно отсутствие второстепенного выделяет эти предложения и делает их эмоционально яркими. Изучив эмоционально-экспрессивные предложения с имплицитно / эксплицитно выраженными эмоциями в двух языках, мы пришли к выводу, что только интонация, контекст, ситуация, а порой лексико-семантическое наполнение способны декодировать характер выражаемой эмоции. Среди предложений с эксплицитно выраженной эмоцией, которые являются самодостаточными, иными словами, контекстуально менее зависимыми, следует назвать междометные предложения. Они, в отличие от слов, имеющих предметно-логическое содержание, целиком принадлежат к эмоционально-экспрессивному фактору в языке.

С точки зрения семантики все эмотивные междометия делятся на три группы:

1) междометия, способные сообщать об эмоциях группы одобрения: «радость», «восхищение»: *Ура! Во! Hourra! Bravo!* Смысл этих междометных предложений в меньшей степени зависит от контекста и ситуации, хотя иногда последние способны конкретизировать эмоцию, выражаемую этими предложениями.

Венгерский гарнитур кайтты. Во! [4]; *Егетләр беравыздан: – Уппа! – кычкырып, Исакның күңелен күтәрделәр* [4];

Bravo! Je ne te reste plus qu'à vous souhaiter bonne chance [6]; *Jacques parut sur le seuil, disant: – Ah! Là voilà! Hip! Hip! Hourra! – criait la bande* [7].

Таким образом, междометные предложения группы одобрения встречаются как в татарском, так и во французском языке. Их сходство проявляется в том, что они не зависят от контекста. Сравнивая междометные предложения в татарском и французском языках необходимо отметить, что они выражают эмоции в самом общем виде. Это объясняется тем, что междометия, функционирующие в качестве синтаксически нерасчленяемого предложения, лишены

тех категориальных признаков, которые свойственны знаменательным частям речи (отсутствие номинативной функции, системы словообразовательных и грамматических форм; формальная автономность, синтаксическая обособленность; особая звуковая структура).

2) междометия, обладающие значениями, которые в нашем сознании связаны с эмоциями группы неодобрения: «возмущение», «презрение», «негодование» и другие: Тфү! Фу! Уф! Hélas! Par exemple! Tiens! Pouah! Peuh! Hou! Fi donc! Heu! Hum!

Акча! Тфү! Төкерәм мин акчага! [4]; Фу! Жәфа икәнсең, кайдан башыма бәла алдым [4]; Сентральный? Сентральный?... Уфф... [4];

Par exemple! s'écria cette horrible femme [7]; Craigniez-vous de troubler mon repos? Hélas! Je n'en puis prendre dans la cruelle situation où je me trouve! [7]; Tiens! s'écria-t-il. Que je suis bête [6].

Как в татарском, так и во французском языках выделяются в особую группу бранные междометия, выражающие отрицательное отношение. Эти междометия произносятся с особой интонацией и способны выражать «возмущение», «гнев», «раздражение», «злобу», «негодование» и т.д.: *Шайтан алгыры! Атаң башы! Пычак кергере! Үләт кыргыры! Sacrebleu! Que diable! Non de Dieu! Tiens!* и другие:

Гөнәһ шомлыклары! Аяк астына әллә нәрсә жәеп [4]; И, чәнчелгән! Тиз тор инде, ник бака кебек жәелеп ятасың!.. [4]; Кәһәр суккан нәрсә! Бүген икенче жәдей инде, ак яка сорарга мыскыл итеп килде [5];

Allons, allons, voyons! Que diable! [6]; C'est pas juste. Merde alors! [7]; Et qui je trouve dans le confessionnal, derrière la grille? Le diable! Apostolo Farinelli! [7].

Междометные предложения группы неодобрения широко используются в двух указанных языках. Их сходство проявляется в том, что они менее зависят от контекста, легко декодируют выражаемые в данных предложениях эмоции. В группу бранных междометных предложений как в татарском, так и во французском языках, вошли устойчивые выражения – обращения к сверхъестественным силам. Многие вторичные междометия французского языка были образованы в основном от культовой лексикой – торжественных клятв.

3) междометия, отличающиеся многозначностью. В зависимости от интонации и контекстуальных условий они способны выражать самые разнообразные, а порой прямо противоположные по своему характеру эмоции. Таковы,

например, междометия сравниваемых языков: А! Ай! Их! И! Абау! Эх! Oh! O! Mon Dieu! Ah! Oh! He! Zut!

Ah, ah... Киттеңме, жаным! Мине ташлап киттеңме? Гәүһәр! Жаным... [4]; А-а-а!.. Мәнә бу гөл матур икән! [4]; Ай! Харан иттем, апага язган хатны да, газетага дигән мәкәләне дә ертып аттым, ахры [5];

Oh! Que je suis bête! [6]; Bon Dieu! Que c'est dur! [7]; Elodie panique: - Mon Dieu, mon Dieu! Qu'allons nous faire? [7].

В эту же группу мы относим междометия, которые почти всегда выражают «удивление» (порой с оттенками «возмущения» или «восхищения»): *Ihu! Oho! Uhy! Comment! Eh bien! Pas possible! Bah! Oh là là!*

Ihu! Мәнә кайда икән рәхәт, – диде [4]; Uhy! Сразы югары менеп китте! [4]; Oho! – Корбановның, чырае яктырып ките [5];

Comment! Votre Majesté s'ennuie! dit M. de Treville [6]; Eh bien, s'écria celui-ci en jetant son épée sur le lit [...] [7]; Oh! c'est vous, c'est vous! Pas possible! [7].

Междометные предложения, зависящие от контекста и способные выражать противоположные эмоции, встречаются в обоих языках. Возрастает роль языковой ситуации и контекста. Следует отметить междометные предложения группы удивления. В данных предложениях двух исследуемых языков ситуативная зависимость велика. Междометные эмоционально-экспрессивные предложения очень часто сопровождаются предложениями, выражающими эмоции с большей определенностью и детализацией.

В качестве эмоционально-экспрессивных употребляются субстантивные предложения, семантика которых свидетельствует о качестве признака объекта оценки, выводящего этот объект за рамки нормы, принятой в языковом коллективе. Эмоционально-оценочное сущительное может быть главным членом предложения, выражая при этом *положительные* эмоции:

Күктә кояш балкый, агачлар арасында кошлар концерт бирә [4]; Мәнә шулай! Молодец! Яратам турыдан бәргән кешене! [4];

Le gaillard! Qui ne risque rien n'a rien! [7]; Une beauté! Vous ressemblez beaucoup à votre mère! [6];

Приведем примеры эмоционально-экспрессивных предложений в сравниваемых языках, выражающие *отрицательные* эмоции:

– *Болван! Туктам бу газанны!* [4]; – *Корткыч, паразит, үлэт ялагыры!* [5];

Sottises que cela! Sottises! [6]; *Une menteuse! Tu m'as trahi!* [7].

Выражать *положительные* эмоции могут предложения с существительными, выполняющие функцию определения: *Батыр егетләр, батыр кызлар!* [4];

Un monde de loisirs, vraiment! s'exclama Chawki; [4]; *Ô dernier feu de l'année! Le dernier, le plus beau!* [6].

Рассмотрим подобные предложения, выражающие *отрицательные* эмоции: – *Турес чырай!* – *диде Мәрфуга!* [4]; *Алар икесе дә бик шикле элементлар. Дошман агентлары...* [4]; *Һи, мәми авыз!* [5];

Bénéfice du dout [7]; – *Ne m'approche pas! Fils de chien!* [7].

Итак, следует отметить, что субстантивные эмоционально-экспрессивные предложения широко используются в обоих языках. Для всех приведенных примеров характерна категоричность эмоциональной оценки. Однако различие проявляется в том, что существительные, главные члены субстантивных предложений во французском языке, употребляются в одном случае с артиклем, в другом – без артикля. Наиболее полно и постоянно интенсифицирующая функция реализуется в форме определенного артикля. Несмотря на некоторую фиксированность форм артикля, функционирование детерминативов в значительной мере зависит от семантики самого существительного, его лексического значения и окружения. Для интенсивного выражения эмоций в субстантивных нераспространенных предложениях татарского языка используются аффиксы принадлежности. Они употребляются не только для выражения действительной принадлежности, но и для выражения различных отношений, т.е. используются во вторичной функции.

При описании чувств особой экспрессивностью обладает метафорическая модель. С ее помощью эмоция или психическое состояние изображаются в виде независимой от человека субстанции, при этом у каждого психоэмоционального состояния обнаруживается свой характерный способ воздействия на субъекта. В распоряжении говорящего имеется целый ряд разнообразных средств выражения эмоций. Часть их составляют сравнительные конструкции и высказывания с описанием поведения субъектов денотативной ситуации. Сравнение используется для усиления изобразительных

возможностей высказывания. В качестве объекта сравнения могут выступать зоонимы или сам человек в различных его ипостасях: *ворчит, как старик; даже сгорбилась, как старуха; радуется, как младенец (ребенок)*. Человеку могут приписываться качества и свойства *предметов (шляпа, веник, столб и т.д.)*. Декодировать смысл данных значений позволяет контекст. Интенсифицирующую функцию в этих предложениях, как, впрочем, и в предыдущих, играют определения:

Борһанов ул чакта итангистларның берсе иде. Тимер багана! Беләкләр! Күкрәк чуеннан коелган! Чумып су астында өч минут тора! [4]; *Карт себерке! Син, карт эт! – дин үкерде* [5]; *Һи, аңгыра! Жебегән авыз!* [5].

Tue-moi! Oh! espèce de tête de bois! [6]; *Ah! Savate!* [7]; *J'ai crié: – Cochon!* [7].

Эмоционально-экспрессивные предложения, использующие явления вторичной номинации, являются типичными конструкциями татарского и французского языков. Особенностью этих предложений является то, что референт может быть идентифицирован только через контекст. Мы пришли к выводу, что эти предложения употребляются чаще всего для выражения отрицательных эмоций, хотя, несомненно, бывают случаи их использования и для выражения положительных эмоций. Подтверждением этому служат авторские ремарки, а также контекст. Необходимо отметить одну особенность, которая связана с употреблением / неупотреблением артикля при существительном – главном члене субстантивного эмоционально-экспрессивного предложения во французском языке. Это касается общего правила неупотребления артикля при обращении. Если же слова о ком-то высказываются третьему лицу или произносятся в его отсутствии, то артикль употребляется. Однако возможны исключения в том случае, когда артикль преследует стилистические цели.

В спонтанной речи наибольшее внимание уделяется внешнему проявлению эмоций – как реальному, так и воображаемому. Язык располагает множеством эмоционально-экспрессивных конструкций, которые без труда позволяют собеседникам выразить переживаемое чувство. Сопоставив структурную и семантическую организацию эмоционально-экспрессивных предложений в татарском и французском языках, мы пришли к выводу, что они строятся с помощью определенного набора средств эмоциональной экспрессии, а именно:

1. Современный этап развития языкознания, в том числе и сопоставительного, характеризуется как антропологический. Во многих отечественных, а также и зарубежных исследованиях эмоционально-экспрессивный фактор и его проявление в языках является основной научной темой.

2. У исследователей нет единого мнения относительно таких категорий, как эмотивность, оценочность и экспрессивность. Мы полагаем, что эти категории находятся в позиции подчинения, а именно: экспрессивность включает эмотивность и оценочность.

3. Эмоция характеризуется заразительностью и в языке может быть выражена следующим образом. Макроинтенция «*Разве ситуация не достойна этого чувства? Теперь ты понимаешь мое состояние?*» представлена субстантивными предложениями как в татарском, так и во французском языках. В указанных языках встречаются распространенные и нераспространенные формы эмоционально-экспрессивных предложений, причем эмоция может быть выражена имплицитно / эксплицитно. В этом проявляется сходство реализации данной макроинтенции в указанных двух языках. Различие же обнаруживает себя в средствах интенсификации: если в предложениях татарского языка – это аффиксы принадлежности, определители существительного и притяжательные местоимения, то в предложениях французского языка интенсифицирующую функцию выполняют артикли.

4. Интенсивность, глубина переживаемых чувств говорящего влияет на выбор языковых средств. Особый тип высказываний относится к речевому жанру «признание». Данная семантическая ситуация представлена как в татарском, так и во французском языках субстантивными предложениями. Различие проявляется в средствах интенсификации. В предложениях татарского языка – это аффиксы принадлежности, дейктическое прилагательное *андый*. В предложениях французского языка интенсифицирующую роль выполняют указательные местоимения, эмоционально-оценочные прилагательные и прилагательное *quelle*.

5. Желание поведать собеседнику о своих чувствах также влияет на выбор эмоционально-экспрессивных предложений. Следует отметить, что данная эмоционально-экспрессивная макроинтенция выражена глагольными, императивными предложениями татарского и французского языков. Императивная парадигма в

сравниваемых языках имеет ряд различий, которые проявляются: 1) в количестве и составе форм парадигмы; 2) в наличии, наряду с общим для обоих языков признаком (включение в число исполнителей одного лица / нескольких лиц), несовпадения дифференциальных признаков, на которых построены императивные парадигмы в сравниваемых языках. Эмоциональная насыщенность может усиливаться за счет различных интенсификаторов. Количество и потенциал интенсификаторов у каждого языка различны. Большинство этих предложений татарского языка включает в свою структуру различные *частицы*, например *инде*. Французский язык в указанных предложениях использует союзы *donc, mais* и другие.

6. Среди эмоционально-экспрессивных предложений выделяются междометные предложения, которые выражают эмоции в самом общем виде. Специфические особенности проявляются в названных предложениях сравниваемых языков, выраженных вторичными междометиями.

7. Субстантивные предложения в татарском и французском языках являются наиболее распространенными и многочисленными. В субстантивных эмоционально-экспрессивных предложениях французского языка постоянно проявляющаяся интенсифицирующая функция реализуется в форме артикля, в то время как в указанных предложениях татарского языка эту функцию выполняет аффикс принадлежности.

8. Эмоционально-экспрессивные предложения, использующие явления вторичной номинации, являются типичными конструкциями татарского и французского языков. Мы пришли к выводу, что эти предложения употребляются чаще всего для выражения отрицательных эмоций.

Исследование показало наличие сходных типологических черт, что, в свою очередь, свидетельствует об определенном сходстве татарского и французского языков, принадлежащих к различным языковым семьям. Существующие расхождения проявляются в основном в области структуры исследуемых предложений в сравниваемых языках, тогда как в области семантики данные предложения обнаруживают много сходств, что обусловлено общностью человеческого мышления. Последующие исследования синтаксических конструктов и фразеологизмов как средств реализации категории экспрессивности в арсенале далеко отстоящих друг от друга языковых семей могут быть в некоторой степени облегчены привлечением из-

вестного проекта «Глобальная лексикостатическая база данных» [34]. Унифицированная система транскрипции, исторические комментарии и аннотации, содержащиеся в этой базе данных, позволят еще глубже проникнуть в проблему диады «язык – эмоции».

Литература

1. *Ангерт М.Б.* Восклицательные предложения как средство выражения суперлатива в молдавском языке в сопоставлении с французским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1973. 30 с.
2. *Блох М.Я.* Всеобщее и особенное при сопоставительном изучении языков // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. С. 73-83.
3. *Старостин Г.* и др. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Евгением Сатановским. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГСб, 2015. 584 с.
4. *Нуруллин В.* Повестьлар // Сайланма эсэрләр / В. Нуруллин: 2 т. I т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 494 б.
5. *Рафиков С.* Авыл иртәсе: Роман / С. Рафиков. Казан: Тат. кит. нәшр., 1966. 359 б.
6. *Kaplan L.* Le pont de Brooklyn / L. Kaplan. Paris: P.O.L. 1987. 236 p.
7. *Pennac D.* Messieurs les enfants / D. Pennac. Paris: Gallimard, 1997. 239 p.
8. *Байрамова Л.К.* Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань: Дело, 1997. 165 с.
9. *Малинович Ю.М.* Экспрессия и смысл предложения / Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1989. 214 с.
10. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: Высшая школа, 1984. 211 с.
11. *Леонтьев А.А.* Психоллингвистика. Л.: Наука, 1967. 120 с.
12. *Носенко Э.Л.* Аффективная речь как функционально-стилистическая разновидность речи // Семантика слова и предложения: Сб. науч. трудов. Днепропетровск, 1983. С. 103-108.
13. *Курбатов Х.Р.* Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М.: Наука, 1978. 218 с.
14. *Малинович Ю.М.* К определению статуса эмоционально-экспрессивного фактора в языке // Семантическая интерпретация простого предложения. Иркутск, 1983. С. 87-95.
15. *Шигаревская Н.А.* Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. 216 с.
16. *Ушакова Т.М.* О системной организации французского аффективного синтаксиса // Вопросы теории и истории романских языков: Межвуз. сб-к. Выпуск 3. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 159 с.
17. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. М.: Международные отношения, 1966. 335 с.
18. *Корзина С.А.* Французский язык. Речевые клише в диалогической речи. М.: Высшая школа, 1991. 110 с.
19. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129-221.
20. *Туранский И.И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
21. *Гатиатулина З.З.* Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков. Казань: КГПУ, 1984. 231 с.
22. *Тумашева Д.Г.* Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. Учебное пособие. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1986. 189 с.
23. *Гизатуллина А.К.* Эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках, основанные на повторяемости элементов: Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. 3. С. 56-60.
24. *Гизатуллина А.К.* Эмоционально-экспрессивный синтаксис в татарском и французском языках: Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. С. 164.
25. *Galieva N.F., Galiullina G.R.* Emotive idioms Tatar language as national mentality reflection / Nadiya Faridovna Galieva, Gulshat Raisovna Galiullina // Journal of Language and Literature. Volume 6, Issue 1, 1 February 2015, Pages 273-276.
26. *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.
27. *Васильева В.Н.* Формирование коммуникативной компетенции в обучении иностранным языкам на основе методов познавательной практической деятельности // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: Материалы Международной научно-практической конференции (23-24 октября 2014г.) / Под ред. В.Н.Васильевой. Казань: Хэтэр., 2014. 180с.
28. Краткий психологический словарь / Сост-ль Карпенко Л.А.; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского М.: Политиздат., 1985. 431 с.
29. Общая психология / Под ред. Петровского А.В. М.: Просвещение, 1986. 464 с.
30. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 226 с.
31. *Валеева А.Ф., Белова Е.А.* Экспрессивность и оценочность в сленгизированной речи французской молодежи // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов / Под ред. В.Н.Васильевой, О.Ф.Остроумовой, Н.С.Андриановой. Казань: Хэтэр., 2015. 142 с.

32. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 192 с.
33. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 247 с.
34. Глобальная лексикостатистическая база данных. URL: <http://starling.rinet.ru/new100> (дата обращения: 20.03.2016).

ТАТАР ҺӘМ ФРАНЦУЗ ТЕЛЛӘРЕНДӘ ЭМОЦИОНАЛЬ-ЭКСПРЕССИВ ЖӨМЛӘЛӘР: ЭМОЦИЯЛӘР ҺӘМ ТЕЛ

Алсу Фоат кызы Вәлиева,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
alsval@mail.ru.

Альбина Камил кызы Гыйззәтуллина,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
albina27.3@mail.ru.

Мәкалә хәзерге вакытта тикшеренүчеләрнең игътибар үзәгендә булган экспрессив синтаксисның татар һәм француз телләрендә кулланылыш үзенчәлекләрен өйрәнүгә багышлана. Коммуникантларның эмоциональ халәте сөйләүче һәм тыңлаучыда билгеле бер коммуникатив күрсәтмәләр барлыкка килүгә һәм аларны сөйләмдә тормышка ашыра торган жөмлөләрнең структур-семантик яктан оештырылуына йогынты ясый. Татар һәм француз телләрендә эмоциональ-экспрессив жөмлөләр махсуслашкан синтаксик чаралар булып тора һәм эмоциональ экспрессия категориясен гамәлгә куюга хезмәт итә.

Төп төшенчәләр: экспрессив синтаксис, эмоцияләр, эмоциональ бәя, эмоциональ экспрессия, синтаксик төзелеш, татар теле.